

М. Крушельницкий:

«И БУДТО НЕ БЫЛО РАМПЫ»

В эти дни мне вспомнилась беседа в кабинете Марьяна Михайловича Крушельницкого на улице Карла Маркса, которая была еще так недавно. И захотелось снова перелистать блокнот, на обложке которого стоит: «Крушельницкий об образе Ленина».

...Марьян Михайлович весело отодвинул в сторону пожелтевший от времени газетный лист:

— Извините, стало трудно читать. Что-то странное творится с глазом, и опасаясь, что дело не только в нем... Но вернемся к нашей теме. Прочитайте уж вы мне, пожалуйста, статью, которую я писал в Харькове в дни премьеры «Правды»...

...Дело в том, что я приехал в Киев с единственной целью: встретиться с Крушельницким и уточнить кое-какие моменты работы этого проникновенного художника над образом В. И. Ленина. Но мне в первый же день объяснили, что Марьян Михайлович тяжело болен и для беседы вряд ли сумеет отыскать время и силы. И все же я рискнул позвонить. Трубку взял Марьян Михайлович, и я, признаюсь, даже растерялся от его мгновенной готовности встретиться, так как мне было известно, что в этот день он и репетировал в театре, и проводил занятие со студентами в институте, и побывал в Министерстве культуры.

— Вы знаете, ничего сейчас не волнует меня так, как ленинская тема. И не только в искусстве, — сказал он тогда —, словно извиняясь, прибавил: — Вот почему, несмотря на сегодняшний сумасшедший день, я хотел бы, не откладывая, начать этот разговор.

Марьян Михайлович был полон теоретических замыслов, мечтал еще раз непременно вернуться к ленинской теме и был убежден, что вернется. Смерть оборвала эти мечты. Но то, что говорил о своей работе над образом Ленина один из первых исполнителей роли великого вождя, звучит сегодня как творческое завещание замечательного мастера советской сцены. Передаю рассказ М. Крушельницкого так, как он запомнился мне.

Бор. МЕДВЕДЕВ

И СЕГОДНЯ ничто не волнует меня так, как ленинская тема. Не только в искусстве.

Когда я летом 1937 года узнал, что мне выпало счастье одним из первых начать работу над образом Ленина, когда мне об этом сказал Александр Корнейчук, автор первой украинской пьесы о Ленине — «Правда», я был прежде всего удивлен смелостью предложения. Мне казалось это настолько новым, настолько смелым, настолько дерзким, что чудилось в этом даже некоторое кощунство. И первое, что я почувствовал, — страх. Но был не только страх, а и огромная, переполняющая все существо радость от того, что я удостоился чести быть одним из пяти актеров (вы,

наверно, помните их имена: Щукин, Штраух, Бучма, Флоринский), которым предстояло впервые в истории советского искусства воплотить дорогой всем нам образ.

Итак, Корнейчук предложил мне играть Ленина. Но потом, совсем скоро, я понял, что, даже и не получив такого предложения, я все равно начал бы работать над этой ролью.

Начну с первых трудностей и опасений. Прежде всего это был еще слишком живой, реальный, знакомый каждому образ не только вождя революции, но и близкого миллионам людей человека, ушедшего из жизни всего тринадцать лет назад. И каждый хранил его в душе, памяти, сердце. И каждый видел его по-своему. Мне вспоминаются портреты, на которых изображен Ильич. Я заметил, что каждый народ изображал дорогого ему человека по-своему. У казахов Ленин был немножко похож на казаха. У узбеков — немножко на узбека. И в этом есть своя закономерность и своя правда. И это меня волновало страшно. Я думал: ну, буду я стараться искать портретный грим, воссоздавать внешний пластический рисунок, как я это чувствую, как у меня запечатлелось. Но ведь это еще не означает, что мое ощущение будет совпадать с ощущением тысяч зрителей.

Да, были и еще трудности. В пьесе Ленин появлялся в двух сценах — в Смольном и на трибуне II съезда Советов, где произносил исторические слова: «Да здравствует всемирная социалистическая революция!» И здесь таилась опасность: как бы не оказаться в тенетах привычных театральных приемов, не попасть в плен актерской риторической схемы, которая могла бы снять всю теплоту, человечность и простоту Ильича. С другой стороны, подчеркнутая обыденность, бытовая простота могли как-то принизить, уменьшить масштаб образа величайшего из людей. Все эти мысли и были причиной того, что вначале я почувствовал себя очень робко и даже растерянню.

Если задать такой традиционный вопрос: как, какими путями шла моя работа над образом Ленина, то, честно говоря, очень трудно проанализировать весь этот сложный внутренний процесс. Если я скажу, что много работал над материалами биографии Владимира Ильича, читал и перечитывал его статьи, тексты

его речей, если скажу, что целые дни проводил в Музее В. И. Ленина, то, очевидно, не сообщу ничего нового, ибо каждый исполнитель этой роли проделал то же.

А что же было главным в моих поисках? Перед тем как ответить на этот вопрос, я хотел бы напомнить одну сцену из «Кремлевских курантов» Н. Погодина. Там есть чудесный, подсмотренный в жизни эпизод. Владимир Ильич после охоты заходит в крестьянскую избу, и мальчонка говорит ему: «Ты не Ленин».

Ленин. Неужели? А кто же я?..

Степка. Ленин как раз не такой.

Ленин. А какой?

Степка. Посмотри на его портрет, тогда увидишь. (Ленин подошел к своему портрету.)

Ленин. Этот важный, надутый господин ни капли на Ленина не похож.

Степка. (Ирония.) Может, ты похож?

Ленин. А вот я похож!

В этом эпизоде большая, глубокая правда.

Мне кажется, что, воплощая на сцене и на экране ленинский образ, необходимо стремиться к тому, чтобы он предстал перед нами человеком простым, общительным, сердечным. Чтобы он был человеком большого интеллекта и большой, я бы сказал даже, детской непосредственности. Об этой его особенности подчас забывают, а это очень важная черта. Эта непосредственность свидетельствует о том, что Ленин был человеком удивительной простоты, кристальной чистоты, ясности. Человеком, чуждым мелких бытовых расчетов, меркантильности.

И когда ощутишь эту особенность облика Ленина, многое становится понятным. Ленинская скромность — не поза, она идет от внутренних побуждений. Кто из актеров этого недооценил, не поймет, тот никогда не сможет ответить на требования зрителя, народа, который представляет Ленина именно таким. Правда, некоторые исполнители чрезмерно увлеклись этой стороной личности Владимира Ильича и «переигрывали».

Должен сказать, что, поскольку я был еще и постановщиком спектакля «Правда», мне не удалось осуществить всего того, что хотелось: не хватило времени для детальной работы над ролью.

Но, поверьте, то, что можно было использовать в тех условиях, я использовал, прочитать — прочитал, увидеть — увидел, услышал от тех, кто знал Владимира Ильича. И удивительно: разные люди рассказывали о Ленине по-разному; каждый, как я уже говорил, видел в вожде революции свое, а скорее Ленин был так неисчерпаемо многообразен. Я даже терялся: кто из них прав, кто в силах дать мне самый верный ответ. Надо ли объяснять, как мне хотелось встретиться с Надеждой Константиновной Крупской? И удалось. Помог случай.

В перерыве на одном из совещаний в Москве мое внимание привлекла большая группа людей, оживленно окруживших кого-то. Смотрю — в центре сидит Надежда Константиновна и что-то рассказывает. Я буквально подбежал к ней и слышу: Крупская рассказывает о Ленине. Я потихоньку, потихоньку стал пробираться в первый ряд. Надежда Константиновна заметила, как я внимательно и напряженно слушаю, и когда я что-то спросил (как видно, в этом вопросе было нечто специфическое), она обратилась прямо ко мне:

— А почему вас интересует именно это?

— Я работаю над образом Ленина.

— Вы писатель?

— Нет, актер.

Она явно заинтересовалась и стала обращаться ко мне все чаще. Надежда Константиновна была не очень щедра на подробности, да и разговор был, так сказать, на ходу. Но это был необычайно важный для меня разговор, суть которого я бы сформулировал следующими словами из ее интереснейшей статьи «О пьесах, посвященных Октябрю», напечатанной в конце 1937 года в «Правде»:

«В корне неправильно считать, что в Ильиче было два человека — один в домашнем быту: веселый, улыбающийся, внимательный к людям, чуткий и другой в общественной жизни — неулыба, не интересующийся людьми, тем, чем они живут, что думают. Двух людей не было в Ильиче. Как в быту, так и в борьбе, он был один и тот же. Нельзя изображать его каким-то двуличным. Он был замечательно цельным человеком».

Я долго решал, как быть с существовавшей уже тогда

живописной ленинианой: портретами, зарисовками, скульптурами. Копировать ракурсы, пластину, — но ведь я не знал, что здесь наиболее точно, а что наименее точно. А может, все это отбросить? Но отбросить нельзя — это уже отложилось в сознании тысяч зрителей.

Когда речь шла о тексте роли, о внутреннем ощущении образа, многое было ясно, казалось ясным, а вот когда касалось внешней формы — здесь начались сомнения. Мне, во-первых, хотелось, чтобы образ Ленина был решен в плане всего спектакля, а спектакль был лаконичный, без лишних бытовых подробностей. Приподнятый, романтичный. И, во-вторых, хотелось, чтобы Ленин был не только гениальным организатором, но и поэтом своего дела, поэтом революции. Как получилось — сказать трудно. Я лично считаю сделанное тогда лишь первым рабочим эскизом в решении этой безграничной темы.

День премьеры «Правды» остался для меня незабываемым. Такого больше я не испытывал никогда. Вот подошел момент выхода на сцену. Я волновался настолько, что не мог отважиться сделать первый шаг и почти без сил остановился за кулисами. Актеры решили, что мне стало дурно. Но когда я, наконец, вышел, то почувствовал абсолютную мертвую тишину, словно у всех в зале остановилось дыхание. И тут же — буря оглушительных аплодисментов, словно раздвинулась, исчезла рампа.

Сколько длились аплодисменты, не помню. Для меня — целую вечность. Я в этот миг с особой ясностью ощутил всю свою актерскую гражданскую ответственность: ведь за каждым движением Ленина следят внимательные, требовательные глаза зрителей. Оправдаются ли их ожидания? Совпадает ли созданный актером образ с тем, который они создали в своем воображении? Я не берусь отвечать за всех, кто побывал на нашем спектакле, но никогда не забуду, как в финале, когда красногвардейцы и матросы, окружившие Ленина, начали петь «Интернационал», гимн революции подхватил весь зал, и все вставали и медленно, шаг за шагом приближались к сцене. И снова: будто не было рампы. И только — «Интернационал».